

ВОРОНКОВ Владимир Дмитриевич

Призвали его в ряды Красной Армии из Новороссийска, где он работал токарем на заводе «Красный двигатель» (хотя сам нижегородец). Направили служить под Ленинград. Там, узнав, что у него образование семь классов (мало у кого тогда была семилетка), взяли в артиллерию. Служил в городе Новозыбкове. Стал наводчиком 105-миллиметровой пушки.

Началась война с Финляндией, направили к финской границе, в 239 особый дивизион наводчиком, а затем и командиром крепостного орудия. Предназначалось орудие для поражения морских и воздушных целей, могло вести круговую стрельбу. Были учения, стрельбы по воздушным мишеням, полосатым «матрасам», ведомым самолётом У-2. В боевых действиях участвовать не довелось, но та зима выдалась холодная, плюс тренировки, так что пришлось нелегко.

После финской перевели в Закавказье, под Ереван, на турецкую границу. Затем на иран-

скую, в городок Жульфа, в 4-х километрах от Нахичевани. Служил в конной артиллерии горной дивизии полковым лаборантом, производил подготовку снарядов, взрывателей, запалов.

В мае 41-го в войсках уже ходили разговоры, что придётся воевать с немцами. Однажды, когда Воронков стоял на посту, сообщили, что началась война. Через четыре дня, ночью, тихо снялись и переместились к границе, расположились в двух километрах от неё, окопались. А ещё через несколько дней в результате боевых действий дивизия перешла Аракс и вошла в Тебриз. Охраняли дороги, обеспечивая движение военной американской помощи, поступавшей через Иран. В сентябре дивизия была направлена на Украину, под Полтаву, и 27 сентября с ходу вступила в бой с фашистами. Немцы массированно бомбили. Владимир Дмитриевич вспоминает:

— Двигались к фронту, на встречу — поток беженцев. Один старик спросил: «Новая дивизия, что ли? Если кадровая — неделю продержитесь, а если новобранцы — и того меньше».

Гаубичный полк, в котором был я, плюс зенитный и ещё два полка почти три недели держали оборону. Как сейчас помню, снится даже иногда: немцы пьяные шеренгами идут и идут, паля очередями; мы, обросшие, стреляем... снаряды никто не считал. Их возили день и ночь, позиции были завалены стре-

ляными гильзами. Над позициями кружил немецкий самолёт-корректировщик, но мы не обращали на него внимания, как и на рвущиеся рядом снаряды. Уставали до того, что не было сил вставить снаряд в пушку. А на дворе октябрь, дождь со снегом. Я заболел малярией. Когда невмоготу стало, командир с сопровождающим направил меня в тыл, в деревню. Лечили народными средствами, и через три дня — обратно на передовую.

Вскоре всё-таки немцы прорвались. Пришлось отступать из Богодухова на Харьков. Орудия теряли, они вязли в глине, их невозможно было вытащить. Немцы преследовали отступающие войска на танках. И кавалерия, и автоматчики. Помог раненому в ногу солдату-шофёру, грузовик которого протаранили танком, добраться до своих. Сказал ему: «Сцепи зубы и терпи. Забудь, что ранен». Перевязал его, километра три на себе тащил, хотя сам был слаб после малярии и вдобавок ранен. Посадил на бронепоезд, где принимали раненых.

В Харькове нашёл взвод боепитания своего полка, а через четыре дня — и свой полк, который лишился многих орудий: осталось всего 1–2 орудия на батарее. Отступили до Волчанска, Белого Колодезя. А зима брала своё. Северный Донец покрылся льдом. Враг только перейдёт реку — мы открываем огонь, разбиваем лёд, перекрываем отход, затем врага уничтожаем. Военная тактика.

По воспоминаниям ветерана, воевал в 1941 году и в начале 42-го практически без фронта, там, где были дороги: по бездорожью техника пройти не могла.

Судьба «не обидела» солдата: сквозь огонь Сталинграда прошёл, под Курском насмерть стоял.

— Тяжело было. Хотя тяжело — не то слово. Случалось всякое: разместились в одной деревне под Курском, спали в холодной избе на стылом полу вповалку. Ночью проснулись от взрыва: ни крыши, ни потолка. Все — в дверь. Я тоже хотел выскочить, но ноги — как чужие. Мне кричат: убегай, а я не могу. Отнесли под бомбёжкой меня в землянку. Всё тело ниже пояса — чужое, в позвончике — осколок. Пасса-

тижами вынули, спиртом продезинфицировали. На 9–10 день пальцы на ногах зашевелились. Ноги расходил, обошлось без госпиталя. Молодой был...

А вот ещё, будто вчера было, помню. 1942 год. Мороз под 40 градусов. Полк лежит на снегу — немец не дает подняться. Командир ко всем обратился: «Кто поедет на прямую наводку? Полк замерзает, только с формирования». Я поехал, взял всего двух человек: риск большой — место открытое. С трудом добрались до нужной позиции. Прицел на дот, откуда стреляли. Дальность — меньше полукилометра. Первый снаряд — рядом, второй — в амбразуру...

Потом Владимир Дмитриевич

воевал в составе третьей гвардейской артиллерийской бригады первой гвардейской артиллерийской дивизии Первого Украинского, форсировал Днепр, освобождал Киев, Житомир, прошёл с боями Польшу, участвовал во взятии Берлина, освобождал Прагу. Не раз был ранен. Демобилизовался в 1946 году сержантом. Всю войну при оружии.

Бережно хранит ветеран боевые награды — ордена «Красной звезды», «Славы 3-й степени», «Отечественной войны 1-й степени», медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Киева», «За взятие Берлина», которыми отмечен путь солдата, путь артиллериста.

17 декабря 1994

ВЫБОРНОВ Арсений Владимирович

Ленинград, сжатый с суши железным полукольцом, защищался стойко и мужественно. Вражеские трупы устилали каждый километр подступов к городу. Противник, не считаясь ни с какими потерями, захлебываясь в собственной крови, бросал на город новые и новые силы.

Земля гудела от грохота орудий, а воздух был заполнен рёвом истребителей и бомбардировщиков. По ночам тёмное небо окрашивалось кровавым заревом.

Я служил во флоте, на Балтике. Наш крейсер «Максим Горький», подшефный города Горького, в первые дни войны подорвался на mine, был в короткое время восстановлен. В последних числах августа мы пришли на оборону Ленинграда и все 900 дней блокады участвовали в боях.

На корабле было много моих земляков-нижегородцев, которые вместе с жителями города испытывали голод и холод блокады, стойко сражались за Родину.

Экипаж нашего корабля был награждён орденом Красного Знамени, многие мои сослуживцы получили ордена и медали. Из членов экипажа нашего крейсера 96 человек погибли смертью храбрых. Вечная им память!

6 февраля 1993 года

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА!